

ло-Финская ССР (в ее составе – нов. районы, отошедшие к СССР по мирному договору с Финляндией 1940); с 16 июля 1956 – Карельская АССР, с 1991 – Респ. Карелия. С 1992 – субъект РФ, с 2000 – в составе Северо-Западного ф.о.

К. расположена в пределах Балтийского щита. Большая часть терр. холмистая равнина (наиб. выс. 576 м – хр. Манселькя) с ледниковыми формами рельефа. Климат умеренного пояса (атлантико-континентальный). Ср. темп-ры февр. от –9 до –14 °С, в июле от 14 до 16 °С. Осадков ок. 500 мм в год. Свыше 1/3 терр. покрыто хвойным лесом, 18% терр. занимают озера. Природные богатства: лесные ресурсы, гидроэнергоресурсы многочисл. небольших рек, запасы торфа, железных руд, слюды, строит. и облицовочного камня, сырья для произ-ва твердого щебня. Соседство с **Финляндией** и С.-Петербурга, прямой выход в Белое, а через Беломорско-Балтийский и Волго-Балтийский водные пути в Балтийское м., а также на судоходные речные пути Черноморского басс. – таковы выгоды геогр. положения К. Хоз-во респ. имеет индустриальный характер. В структуре валового регион. продукта в 2002 пром-сть составила 36,6%, с. хоз-во – 2,6%, стр-во – 8,2%, транспорт – 12,5%, торговля и коммерч. деят-сть в сфере товаров и услуг – 14,0%. Внешнеторг. оборот респ. в 2002 составил 653,6 млн долл. США, в т.ч.

экспорт – 521,6 млн долл. США. Ведущее место в пром-сти занимает лесная, деревообработ. и целлюлозно-бумажная пром-сть. Развита пищевая пром-ть, черная металлургия, электроэнергетика. Гл. отрасли с.-х. произ-ва – молочное и мясное животноводство.

КАРЕЛЫ, один из коренных народов на северо-западе Европ. России. Наряду с общим самоназв. – *каръялани* – отд. гр. сохраняют свои самоназв.: К. Ср. и Сев. Карелии и Тверской обл. наз. себя *каръялани* (kajjalani), приладожские и олонечские К. – *ливвикей, ливгилэйне* (livvikoi, livgilaine), прионежские К. – *лююдилэйне* (lyudilaine). По данным переписи населения 2002 – 93 тыс. чел. Антропологически К. относятся к беломорско-балт. типу европеоидной расы. Незначит., очень древняя монголоидная (лапоноидная) примесь характерна для сев. К. Карельский яз. относится к прибал.-фин. ветви финно-угор. гр. Урал. языковой семьи. Считается, что из древнекарельского яз. возникли ижор. яз., вост. диалекты фин. яз. В карел. яз. имеются балт., герм., славян. заимствования. Совр. карел. яз. значит. наполнен рус. лексикой. Различают 3 диалекта карел. яз.: ливвиковский (вост. побережье Ладжского оз.), лудиковский (зап. побережье Онежского оз.) и собственно карел. (Ср. и Сев. Карелия). К последнему относятся и говоры валдайских, тверских, тихвинских К. Предки К. – племена, объединенные этнонимом *корела*, жили на сев. и сев.-зап. побережье Ладжского оз. Широко распростран. точка зрения, что древняя корела сложилась в XI–XII вв. на базе местного, зап.-фин. и пришлого из Юго-Вост. Приладожья населения. В новейшее время выдвинута гипотеза о более раннем формировании К. – в 1-й пол. 1-го тыс. н.э. По мнению большинства исследователей, совр. К. сформировались при взаимодействии корелов и весей (предков совр. вепсов) с участием саамского элемента (лопи).

С эпохи раннего Средневековья политич., социально-экономич. и культурная история К. связана с историей рус. народа, вначале в составе Новгородской земли, с 1478 – в составе Московского княжества. К. обращены в православие в 1227. После раскола рус. церкви в 1666 большинство К. придерживалось разл. старообрядч. толков. С XII в. терр. К. была предметом споров и войн со Швецией. По условиям Ореховецкого договора

1323 к Швеции отошла часть погостов Сев.-Зап. Приладожья с преим. карел. населением. По Столбовскому договору 1617 Швеция получила Ижорскую землю и Корельский у. с г. Корелой. Из захваченных Шведией земель в Россию переселилось ок. 50 тыс. К., образовавших гр. тверских, валдайских, тихвинских и др. К.

До нач. XX в. у К. господствовало натуральное хоз-во, основанное на трехполье с подсекой (*каска, пало*). Орудия труда: бесподошвенная соха колового типа с почти прямой рассохой (*адра*), карельский тип мотыги (*куокка*), коса-горбуша, коса-литовка (с 1930-х гг. XX в.), зап. (известные и в Финляндии) и вост. (новгородские) типы серпов, борона-суковатка (*аставо*), цеп для молотбы с березовым билем и др. Железные плуги и бороны заводского и кустарного произ-ва известны с нач. XX в. Выращивали ячмень, рожь, овес, в юж. районах – пшеницу, повсеместно – репу, редьку, горох. Из технич. культур, за исключ. сев. районов Карелии, известны лен-долгунец и конопля. Огородничество было развито слабо. Картофель (*kartohka*) стали культивировать в основном с 40-х гг. XIX в. Крестьянин обеспечивал семью хлебом на 3–5 месяцев в году. В голодные годы в хлеб добавляли сосновую кору (заболонь), мох. Держали коров, низкорослых лошадей, грубошерстных овец, юж. К. – свиней, в небольшом кол-ве – кур, сев. К. – оленей.

Существенную роль играло **рыболовство**. Традиц. рыболовные снасти в основном бытуют и в наст. время: удочки, переметы, остроги, сети, черпальные, в т.ч. сачки, волоковые и ставные невода, дорожки, мережи, морды. Ставными неводами ловили на артельных началах, на закрепленных за семей местами лова. В древности на реках устраивали заборы (*натто*). Охотились на медведя, лисицу, куницу, горностая, белку, дикого оленя, лося. Использовали луки и стрелы с костяными наконечниками, позднее – самодельные ружья-малопульки, разл. приспособления и ловушки. Охотугодья семьи передавались по наследству. К традиц. занятиям К. относятся бортничество, курение смолы и дегтя. Были развиты бондарный промысел, изготовление изделий из бересты и дерева, у юж. гр. – плетение из соломы, обработка камня. Со ср. веков развито произ-во железа из болотных руд. Железо плавляли в горнах и домашних печах-дымницах. Была известна сварная технология, в т.ч. художественная,

-
1. Пищевая пром-сть (12,3%)
 2. Пром-сть строительных материалов (3,7%)
 3. Лесная, деревообработывающая и целлюлозно-бумажная пром-сть (45,2%)
 4. Машиностроение и металлообработка (5,4%)
 5. Цветная металлургия (5,0%)
 6. Черная металлургия (12,8%)
 7. Электроэнергетика (14,1%)
 8. Другие промышленные производства (1,5%)

горновая пайка, обмеднение, инкрустация. В нач. XVIII в. в Карелии возникли первые кр. металлургич., позднее – чугуноплавильные заводы. С XVIII в. К. занимались отходничеством – заготовкой леса, работали на лесопильных заводах. Для сев. К. характерна торговля вразнос (коробейничество), гл. обр. с финнами.

Традиц. средства передвижения – *лодки*, сани, *лыжи* – узкие дорожные и широкие лесные, обиваемые мехом; сев. К. для ходьбы по болотам использовали ступательные лыжи-«ракетки». До появления упряжного транспорта готовили ручные сани-волокуши. Специфич. вид транспорта – олонекская люлька – конные носилки, к-рые крепили к хомутам и седлам 2 лошадей, шедших в упряжке одна за другой на расстоянии 2 м. У саамов К. заимствовали олений транспорт. Во 2-й пол. XIX в. появились телеги-двуколки, с XX в. – 4-колесные тарантасы.

Традиц. культура К. сходна с культурой вепсов, финнов, саамов, коми-зырян и сев. гр. русских. Карельские деревни (*куля*, *хиеру*) группировались вокруг более кр. поселения, погоста, выполнявшего роль адм., торг., религиозного центра. Развитие жилища шло от шалаша (*кодун*) и землянки к наземному сруб. Сруб обычно ставили без фундамента, выс. до 21 венца, иногда под углы укладывали валуны. Преобладал тип дома-двора в 1-рядной связи на выс. подклете с 3-камерной планировкой. С XIX в. известны пятистенки. Рус. печь в избе – сравнительно позднее явление. В Сев.-Зап. Карелии в нее встраивался сбоку открытый очаг. К печи примыкал вход в подполье (голбец). Устье печи было направлено вбок от входа. Угол перед устьем печи наз. дверным углом, по диагонали от него помещали большой, или Божий, угол. Стол ставили торцом к ср. окну фасадной стены. Вдоль боковой стены под потолком укрепляли балку для сушки белья, сетей и утвари, на ней гнули санные полозья. Рядом с избой ставили узкую горницу с низ. потолком. Хозяйств. помещения (хлев, сеник) находились под одной крышей с жильем. Отдельно ставили амбары на коротких бревнах-сваях, 1- и 2-камерные риги, бани. Сооружали 2-этажные водяные мельницы, у юж. гр. мельницы были ветровые. В Сев. Карелии жилище и хоз. постройки возводили раздельно. В 1-й пол. XX в. распростр. дома-4-стенки ср. размеров на низ. подклете. Помещения стали разбивать на

несколько комнат с отд. кухней. С послевоенных лет дома ставят на цементный фундамент, покрывают дранкой и досками с дорожкой для стока воды, в последние десятилетия – шифером.

Одежда К. отличалась от сев.-рус. только деталями. Древнекарельский женский костюм состоял из длинной туникообразной льняной рубахи и несшитой юбки (*хурстун*) из 3 полотнищ полосатого полусукна; иногда она завязывалась не на талии, а на плечах. Позже распростр. рубахи, состоящие из ниж. части – станушки, украшенной по подолу красным тканым узором, и верхней – лифа с короткими пышными рукавами. С XVI в. известны сарафаны косоклиного покрова (*косто*) со спинкой до шеи, с круглым воротом с прямым разрезом впереди, застежкой на пуговицах и широкими проймами для рукавов. Этот тип сарафана к сер. XIX в. был вытеснен прямым, собранным по обшивке, с ляжками. Женский костюм дополнялся нарукавником – короткой холщовой кофтой с разрезом на спине – и передником. В ряде мест, в основном на юге Карелии, носили т.н. пары – рубахи и кофты с юбкой поперечно и продольно-полосатой расцветки. Надевали мн. украшений: подвесок, бус. Головными уборами девушек были платки и ленты, замужних женщин – платки и под ними повойники. Осн. элементы мужского костюма: холщовая рубаха с прямым или косым воротом, штаны с узким шагом, кожаные или плетеные пояса. Непременные атрибуты мужского наряда – нож в ножнах, брусок и огниво. Характерны шейные платки, шарфы из серой или крашеной шерсти. В XIX в. зажиточные крестьяне носили жилеты поверх выпущенной наружу рубахи с отложным воротником. Верхнюю одежду шили из холста или домотканого сукна (кафтаны, балахоны) и овчины (шубы в талию, тулупы прямого покрова). Были матерчатые, кожаные, шерстяные рукавицы; для ловли рыбы зимой вязали рукавицы из шерсти с добавлением конского волоса. Традиц. *обувь* – берестяная, кожаная, меховая, валяная. Известны лапти косоного и прямого плетения. Сев. К. шили сапоги с загнутым носом из оленьей кожи мехом наружу, удобные для хождения на лыжах. Валяную обувь покупали.

Кухня К. сходна с фин., вепс., сев.-рус. Особое место в питании К. занимала рыба – свежая, соленая, сушеная, вяленая. В сев. районах рыбу весенне-

летнего улова засаливали особым способом, с запахом (весенняя рыба). Из сухой рыбы (сушика) варили супы (*натарокке*), из свежей рыбы – уху. Подсоленную или свежую рыбу парили, варили в молоке или запекали в сметане. Приладожские К. на новый год варили мясо-рыбную похлебку (*аитолонко*). Икру запекали, из внутренностей рыбы вытапливали жир, из костей делали муку (добавляли в пойло для скота), из чешуи – заливное. Рыба ценных пород шла на продажу. Варили разл. каши – загусту из ржаной муки, ячневую с мясом, репную с перловой крупой. Были распростр. молочные продукты – простокваша, творог, домашний сыр, топленое молоко к чаю. Оленье молоко не употребляли. Впрок заготавливали бруснику, клюкву, морошку, чернику, малину. Лакомством для детей была сушеная репа. Изготавливали репный, солодовый, хлебный квасы. Традиция изготовления пива утрачена. К. в основном пекли кислый хлеб. Особые пресные лепешки (хлеб с дыркой) зашивали и хранили на жердях. Повсеместно известны ватрушки и калитки (*калитта*) из кислого теста с картофелем, пшенной крупой, толокном круглой, удлиненной, 4- или 8-угольной формы, сланцы, рядовики с ячневой, пшенной, рисовой, манной кашей, крендели, заварные хлебцы, пироги с репой, горохом, толокном, грибами, ягодами, блины. Праздничный пирог – закрытый косовик с начинкой из овсяных блинов и пшенной каши. Обрядовым блюдом были пирожки из творога (*кабу*).

У К. сохранялась большая семья из 3–4 поколений (до 25 и даже 40 чел.). Глава семьи и хозяйка распоряжались семейным состоянием. Из больших семей выделялись малые. Семьи поддерживали родственные связи. Поддерживался обычай длит. гостыбы девушек у родственников. Бытовали 2 формы заключения брака: договорной брак, или брак со сватовством, и реже брак уводом, когда девушка выходила замуж прямо с игрища или беседы. Единый свадебный ритуал имел локальные особенности. Свадебная традиция сев. К. более архаична, южнокарел. сходна с русской. Свадьбе предшествовали обмен залогами между женихом и невестой, получение благословения родителей и родственников; родственники с обеих сторон навещали друг друга, просватанная девушка для сбора приданого посещала своих родственников. Собственно свадьба (*мат*) проходила вначале в доме невесты, затем в доме жениха. Свадьба в доме невесты включала баню, встречу свадебного поезда, смотрины невесты, обмен дарами, пиршество, прощание невесты с родней, расплетание косы и расставание с девичьей лентой, выдachu невесты жениху, проводы свадебного поезда. Продолжали в доме жениха: встречали молодых, осыпали их зерном, благословляли, праздновали и готовили послесвадебную баню. Совершали обряды для обеспечения благополучия нов. потомству: повивальная бабка участвовала в обряде окручения невесты, первая брачная ночь приурочивалась к новолунию. Беременной женщине запрещали ходить на кладбище, стричь волосы, смотреть в зеркало, ее оберегали от испуга, ссор и т.д. Приближение родов скрывали даже от близких родственников. Рожали тайно, даже в одиночестве. Для облегчения родов открывали двери, окна, дымоходы. Принимала роды свекровь или повитуха со знахарским опытом и спец. набором оберегов. После родов совершали обряд оберегания матери и ребенка. Роженица входила в дом после специально приготовленной бани. Пеленала ребенка повивальная бабка. В люльке держали разные обереги: коготь или зуб медведя, камешек от пода печи и др. Детей крестили чаще дома, чем в церкви. Поминально-похоронный ритуал К. состоял из обрядов, связанных со смертью и подготовкой к погребению, похорон и поминальных обрядов. По традиции, прощаться с умирающим приходили вся родня, жите-

ли всей деревни. После кончины зажигали свечу, с молитвами окуривали умершего ладаном, плачем начинала смертную причетъ. Рот умершего обязательно покрывали лоскутом белой ткани. Покойника держали в избе 3 суток, никогда не оставляли его одного. Хоронили всегда в первой половине дня. После выноса тела стены и пол тщательно обтирали ветошью. Близким родственникам гроб нести не разрешалось. Похоронная процессия останавливалась во всех воротах, перед каждым домом, на развилках дорог. Для последнего прощания гроб с покойником устанавливали на перекинутые через яму колья или лопаты. Место для покойника выкупали медными деньгами. Громкие голошения и плачи сопровождали весь похоронный ритуал. Крест и доску на могилу устанавливали сразу после погребения. На крест вешали полотенце – для отдыха души умершего. Поминки устраивали в доме усопшего. После возвращения с кладбища очищались можжевеловым дымом, мыли руки, прикасались руками к печи. К поминальной трапезе готовили крупные калитки, рыбники, ржаной или овсяный кисель. Для покойного ставили прибор. Утром следующего дня посещали кладбище. Ливники и людники из окон дома вывешивали полотенца, как бы протягивая покойному дорожку к дому. Могилу опахивали, окуривали ладаном. На кладбище устраивалась поминальная трапеза. С раннего утра исполнялись плачи. На поминальный обед кроме родни приходили односельчане. Его начинали с *иду* – блюда из проросшей ржи, завершали ржаным или овсяным киселем. Торжественно отмечались поминки сорокового (прежде сорок второго) дня, годовщина после смерти. Поминованию предков посвящались Пасха, Троицкая суббота, поминальная неделя в первые дни ноября.

Календарная обрядность делилась на 2 цикла: зимние и летние обряды. В окт. – нач. нояб. отмечался День кегри – праздник окончания полевых работ и нач. нов. хоз. года, тесно связанный с культом мертвых. В этот день устраивали хождения ряженных. Он знаменовал начало женских работ: обработки шерсти, льна, прядения. Год начинался святками с многодневным праздником зимнего солнцестояния, «поворотных» дней, насыщенных гаданиями, увеселениями, хождением ряженных, ритуальными запретами. Святки завершались

купанием в «иордани» (проруби) для очищения от грехов. В период летнего солнцестояния большое значение придавали гаданиям, обрядам, связанным с баней. Местами устраивались жертвоприношения животных. Были развиты разл. виды декор.-приклад. иск-ва: худ. вышивка – в древности медной и бронзовой проволокой, позднее шелковыми и хлопчатобумажными нитками (известно вышивание по сетке – *поиметт*) с геометрич., антропоморфными, растит., орнамент. мотивами, локальных – сев. и юж. традиций; изготовление жемчужных и золотшвейных изделий; резьба и роспись по дереву, обработка бересты; ремесла: кузнечное и ювелирное; с кон. XIX в. – плетение. Юж. гр. знали сложные техники худ. ткачества (одноуточное, многогребенное, браное двухуточное). Ткаными ромбами, квадратами, звездами украшали одеяла. В Юж. и Ср. Карелии изготавливали красочные лоскутные одеяла. Из контрастных по цвету тряпичных лент делались половики. Резьбой или росписью по дереву юж. гр. украшали орудия труда, предметы домашнего обихода. В росписи сочетались древние элементы (геометрич. фигуры) и более поздний орнамент (свободные кистевые росписи).

В XX в. в регионе возникли нов. отрасли произ-ва (лесозаготовит., целлюлозно-бум., деревообработ., машиностроение, судостроение, добыча ископаемых и др.). Их развитие вызвало массовый приток инонационального населения. На терр. традиц. проживания К. стали нац. меньшинством. Последовательно сокращалась числ. К., ускорились темпы языковой и этнич. ассимиляции. В результате массовой ликвидации т.н. бесперспективных деревень и сел их общая числ. в Карелии сократилась, усилился отток К. в городские поселения. В 1989 более 61% К. жили в городах. Широкое распростр. получили национально-смешанные браки. В последние годы дети изучают карел. яз. в школе. На карел. яз. издается газета, ведутся радио- и телепередачи, состоялись первые постановки пьес, действует нац. хор и др.

Лит.: Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956; Этнография Карелии // Сб. ст. Петрозаводск, 1976; Происхождение карел. Университет Йоэнсуу, 1977; Косменко А.П. Карельское народное искусство. Петрозаводск, 1977; Коч-

куркина С.И. Древняя Карела. Л., 1982; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983; Семейная обрядность карел. Л., 1985; Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986; Обряды и верования народов Карелии // Сб. ст. Петрозаводск, 1988; Карельский народный эпос. Сер. «Эпос народов СССР» / Сост. В.Я. Евсеев. Л., 1989; Клементьев Е.И. Карелы. Этногр. очерк. Петрозаводск, 1991; Конка У.С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

Фольклор К. Особое место занимают эпич. песни-руны, сопровождающиеся аккомпанементом на струнном щипковом инструменте – кантеле. Карел. эпос, его поэтич. стиль (т.н. калевальская метрика – восьми-сложный стих с хорейской строкой и нерифмованным стихом) – один из древнейших в мировом фольклоре. Осн. сюжеты его (о сотворении мира, открытии огня и железа, начале земледелия и т.д.) сложились в VIII–X вв. Герои эпоса, родоначальники, хранители вековых знаний, творцы мира, огня, орудий труда, кантеле – Вайнямейнен, мифологич. первопредок – великан Антеро Випунен, кузнец Илмаринен, удалой охотник-воин Лемминкяйнен, раб-мститель. На основе эпич. поэзии создан литературно оформленный эпос «*Калевала*», оказавший огромное влияние на развитие фин. лит. яз.

Среди др. жанров распротр. похоронные и свадебные плачи, охотничьи и любовные заклинания, заговоры. В закладательной поэзии обнаруживаются следы *шаманства*. Известны сказки о животных, волшебные, бытовые. Традиц. сказочные герои – старуха Сюоятар, лесная старуха, Тухкимус – вдова-советчица, наделенная волшебными предметами; в отличие от рус. сюжетов гонимая падчерица в сказках К. сама готова постоять за себя и отомстить обидчику. Среди бытовых сказок наиб. распротр. сатирич. сказки о работнике, сказки-анекдоты. Известны легенды, былички, предания о заселении и освоении края, о кладах, богатырях, историч. лицах (Рокаччу, Иване Грозном, Петре I и др.). Бытовали загадки, особенно их было принято загадывать зимой, на святки. Фольклор К., живущих в Калевальском р-не на севере Респ. Карелия (гл. обр. деревни по берегам оз. Куйто), благодаря многовековой изолированности в значит. части сохраняет реликтовые формы.

Первые исследования карел. фольклора относятся к XVIII в. (Д. Юселиус, Г. Маркениус, Г. Портан, К. Ганандер). Важную роль сыграли работы К. Готлунда, С. Топелиуса, Д. Европеуса, А. Алквиста, М. Кастрена и др. Первое издание «Калевалы» (1835) подготовлено Э. Лённротом. Полное издание «Калевалы» вышло в 1849. В 1888 опубл. полный поэтич. перевод «Калевалы» на рус. яз., осуществленный Л.П. Бельским. **Музыка К.** Муз.-поэтич. культура представляет собой стилистически пеструю картину. Это обусловлено этнокультурными особенностями населения, а также взаимосвязями с этносами-соседями. Архаичные пласты культуры К. – племени корела рус. летописей – принято считать общим наследием К., финнов и ижоры. В традиц. культуре К. прослеживаются параллели с традиц. культурами др. прибалт.-фин. народов (эстонцы, водь, ижора, вепсы, саамы, финны), балтов (литовцы, латыши), разл. этнич. гр. русских (поморцы, занежане, пудожане, кенозерцы, псковичи, новгородцы, тверичи). Этнолокальная культура К. подразделяется на традиции сев., сред., юж., тверских, приграничных К. Существует и др. деление: традиции беломорских (в т.ч. кестеньских), сегозерских, олонечских, прионежских, приладожских, тверских (в т.ч. тихвинских), финляндских К. (проживающих в губ. Сев. Карелия и Саво в Финляндии). В соответствии с диалектами карел. яз. существует подразделение на традиции собственно К., К.-ливвиков, К.-людииков, тверских К. Наряду с эстонцами К. в большей мере, чем др. прибалт.-фин. народы, сохранили древний прибалт.-фин. облик своей муз.-поэтич. культуры. Это гл. обр. рунич. песни, или руны, к-рые наряду с причитаниями представляют большую ист. и худ. ценность. Рунич. песни (*рунолаулут*) в прошлом были известны почти всем прибалт.-фин. народам. До наст. времени они сохранились лишь у ижоры – малочисл. этноса, проживающего в Ингерманландии (историч. назв. части Ленинградской обл.). Из культурной среды этнич. финнов Финляндии они исчезли уже к XVIII в. (были забыты под мощным шведским влиянием). В то же время рунич. песни, сохранившиеся у сев. К., являются общим с финнами наследием, восходящим, очевидно, к эпохе их этнич. единства. Тексты карело-финских и ижорских рунич. песен собраны в эпосе «Калевала», составленном фин. фолькло-

ристом Э. Лённротом. Несмотря на включения авторских стихов (ради композиционного единства), «Калевала» дает наилучшее представление о богатой поэтике рун. Большинство карельских вариантов рун записано Э. Лённротом в приходе Вуоккиниэми (с 1963 – Калевальский р-н), т.е. там, где архаич. рунич. песни знают и поют до сих пор. Характер древнейших сев.-карел. рунич. напевов (их начали записывать позднее, чем тексты, – со 2-й пол. XIX в.), типологич. сходство их с эстон. напевами, синкретическая связь со стихом свидетельствуют о том, что их происхождение, вероятно, восходит к эпохе прибалт.-фин. языковой общности. Для карел. рунич. традиции характерны: одноголосие, сольное исполнение, повествовательный тон и речитативный характер напева, отсутствие внутрислоговых распевов, небольшой диапазон (большая часть квинтовый), 2-строчная структура напева, чрезвычайно развитая и эмоционально насыщенная текстовая часть (включающая систему аллитераций, богатые метафоры) при внеш. неяркости и монотонности напева. Архетип рунич. строки – 8-сложный хорейский стих (учитывающий долготно-ударную акцентную систему), соответствующий ему 8-дольный ритмически выровненный напев с обязательной остановкой в конце. Тексты не закреплены за напевами, кол-во формульных напевов в целом очень невелико. Одна певца имеет, как правило, 1–2 напева, на к-рых и поет все рунич. тексты. Традиционно рунопение не являлось привилегией женщин. Всеобщую известность среди рунопевцев приобрел А. Перттунен, от к-рого записал многочисл. руны Э. Лённрот (потомки А. Перттунена продолжали традицию рунопения). В рамках рунич. песенности существуют эпич., свадебные, лирич. песни, баллады, заговоры, заклинания. Наиб. устойчивые эпич. сюжеты, восходящие к прибалт.-фин. мифологии (известные также по «Калевале»), – о деяниях героя, демиурга Вайнямейнена, кузнеца Илмаринена, героя Лемминкяйнена, героя-мстителя Куллерво (последние особенно характерны для ижорских рун). В заговорах и заклинаниях, к-рые весьма распротр. в быту, – отголоски ритуальных действ и вера в магию слова (напр., «Заклинание рыбы», «Заклинание при выгоне скота на пастбище», «Заклинание парильни» из сб. Т.В. Краснопольской, 1980). Рунич. песни, встречающиеся

в Ср. и Юж. Карелии, более распевны и менее строги в отношении метрики. Причитания, или плачи (*иткут*), отмечает ярко эмоциональная исполнительская импровизация. Причитания сохранились у всех этнич. гр. К., вплоть до сильно ассимилированных приладожских К. (Олонецкий р-н). В отличие от причитаний *вепсов* у К. они почти везде бытуют на карельском яз., но К.-людики (прионежские К. и К. с. Михайловского) причитывают и на рус. яз. – под влиянием как русских Карелии, так и вепсов. Очевидно, что причетная традиция распростр. только в среде К. – православных христиан. Наиб. широко бытуют похоронные и поминальные причитания, т.к. в быту сохранились и архаичные элементы похоронной обрядности. Традиц. свадебная обрядность практически перестала существовать уже к 1930-м гг., однако в памяти старшего поколения сохранились и сам обряд, и свадебные плачи, к-рые, как правило, исполнялись профессион. плакальщиками *иткеттая*. Есть рекрутские причитания (более поздние по происхождению), причитания на случай встречи, расставания, состояния тоски и одиночества. Первые тексты карел. причитаний были записаны Э. Лённротом в сев.-карел. с. Ругозеро. Наиб. характерная их черта – исключительно развитый метафорич. яз. (табуированию подлежат имена, лица, назв. предметов, явлений, ритуальных действий). В текстах в значит. мере сохранились следы мифологич. мышления (культ предков, магия слова и др.). В целом для напевов характерны нисходящее движение каждой строки, небольшой диапазон, окончание строки «говорком». Немногочисл. архаичные свадебные песни К. сохранились в беломорской и сегозерской Карелии. Обычно это песни-наставления невесте, молодым, песни встречи 2 родов; могут исполняться с рунич. и причетными напевами. Самые известные тексты песен, встречающиеся на всей терр. Карелии, – «Летел орел с Востока» и «Мир ждал новолунья». Для традиции беломорских К. в недалеком прошлом были характерны т.н. *ёйки*, заимствованные из традиц. культуры *саамов*; в карельских ёйках принято различать калевальскую и кестеньгскую ветви. В прошлом ёйки импровизировались, вероятно, почти по любому бытовому поводу, напр. при встрече гостей, пожелании им здоровья, во время гребли на лодке; исполнялись радостно, напористо, в манере

выкрика; в припеве, оканчивающем строфу тирадного вида, встречалось пение фальцетом. В наст. время традиция практически утрачена. Своеобразием среди жанров карел. фольклора отличаются выкрики-призывы домашних животных *хухуйя*; в сер. XX в. их записывал фин. исследователь Е. Ала-Кёни в Приладжье и Финляндии. Этот жанр имеет аналоги в эстон. пастушеской традиции; призывы исполняются только женщинами или девушками; текст функциональный, импровизационный, ритмика свободная, звукоярд неустойчивый. Музыка сев. К. в наименьшей степени подвергалась влияниям; в позднейшую эпоху взаимосвязи в основном ограничиваются близкородств. фин. культурой. Фин. песни бытуют на севере Карелии наряду с карел., чему способствует этнич. и языковая близость финнов и сев. К., а также и то обстоятельство, что этнически однородное население издавна жило по обе стороны границы с Финляндией. Это поздние лирич. песни, баллады, а также особый жанр хороводных игровых песен *пирилейкки* (букв. круговая игра), к-рый возник во 2-й пол. XIX в. в Финляндии и был принесен сплавщиками леса и корабельниками (в 1930-х гг. – излюбленный жанр в среде ингерманландских финнов; особенности напевов, функционирование жанра отражены в хоровом цикле В. Тормиса «Ингерманландские вечера», 1979). Пирилейкки – обычно шуточного характера, отличаются легкостью и изяществом мелодики. В Ср. и Юж. Карелии распростр. родственный жанр – карел. лирич. частушки, к-рые бытуют наряду с русскими. Они сформировались на основе т.н. коротких песенок (*люхют пайот*) с медленным, протяжным напевом, рус. частушек, рунич. песен и песен городской традиции. Для песен Ср. Карелии типична более распевная мелодика (исначально нехарактерная для культуры К.), что связано гл. обр. с воздействием рус. лирич. песни. Напр., варианты упомянутых традиц. свадебных песен К. здесь отличаются весьма развитой мелодикой. В Ср. и Юж. Карелии рус. влияние сказалось на характере распевов, ладовом строении, мелодике, в проникновении многоголосия. В свадебной традиции К.-людики, в меньшей степени сегозерских К. к XX в. закрепились рус. (пудожские, заонежские, свирские) свадебные песни, к-рые исполняются на рус., а с 1930-х гг. и на карел. яз. (в переводах). Рус. песни, в т.ч. город-

ские, бытуют в качестве лирич., но нередко в вариантах, приближенных к карел. мелодике; широко распростр. рус. хороводные и плясовые песни, напр. «под кадрили». В беломорской Карелии (с. Лехта, с. Шуйозеро) бытуют многоголосные хороводные песни поморов, т.н. утушные, что объясняется давними промысловыми связями К. и поморов.

Среди муз. инструментов К. наиб. известен струнный щипковый цитрообразный *кантеле*. В традиц. виде это небольшой 5-струнный инструмент, к-рый при игре держится горизонтально на коленях (подобный тип инструмента известен у ижоры, води, эстонцев). На нем исполнялись напевы рун, позднее (с увеличением количества струн) и мелодии др. песен, танцевальные наигрыши. В текстах рун отражена роль кантеле как мифопоэтич. символа (напр., сюжет «Вяйнё-мёйнен делает кантеле»). Среди др. инструментов, ныне практич. вышедших из употребления, – струнный смычковый *йоухикко*, или *йоухи кантеле*, деревянные пастушьи трубы *лиру* и *торви*.

В 1930-е гг. были организованы колхозные хоры: Петровский (1936, пос. Спасская Губа), Сегозерский (1935, пос. Паданы), Ведлозерский (1938, пос. Ведлозеро), Олонецкий (1935, г. Олонец); песни, частушки, сочиненные в этих коллективах, в значит. части фольклоризовались. Центр изучения муз.-поэтич. фольклора К. – Петрозаводская консерватория. Лит.: Песни народов Карело-Финской АССР / Сост. В. Гудков, Н. Леви. Петрозаводск, 1941; Карельские народные песни / Сост. и автор вступ. ст. Л.М. Кершнер. М., 1962; Карельская народная песня / Сост. и автор вступ. ст. С.Н. Кондратьева. М., 1977; Карельские причитания / Сост. А.С. Степанова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1977; Песни Карельского края / Сост. и автор вступ. ст. Т.В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977; Карельские частушки / Сост. Т.А. Коски, вступ. ст. Т.В. Краснопольской. Петрозаводск, 1985; Степанова А.С. Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985; Песенный фольклор кестеньгских карел / Сост. Н. Лавонен. Петрозаводск, 1989; Карельские ёйки / Сост. А.С. Степанова, Н. Лавонен, К. Раутио. Петрозаводск, 1993.

Танец К. До недавнего времени считалось, что своей нар. хореографии у К. нет. Танцы К., как правило, имеют пришедшие из России назв.: *шен, круг, кадрили, лансье, король*. Первые

сведения о карельских танцах оставил в своих воспоминаниях Э. Лённрот (1837). Расшифровку старинных полевых мат-лов сделала П. Раусма (Финляндия).

Одна из важных составных частей карел. хореографии – контрдансы (в России этот танец появился в кон. XVII – нач. XVIII в., в царствование Петра I). Слово «данс», т.е. танец, К. из назв. отбросили, приглашали *кижамах контру* – играть контру. С играми танец ассоциировался потому, что, как и игра, имел определенный порядок, правила. Как и игры, контры носили в деревнях массовый характер. Э. Лённрот наблюдал Большую Шинку в Сев. Карелии, на юге – Рис-ти Контру. Подобным танцам карелы дали и понятные им назв. – Косарейка (большой котел), Кагуста (большая поварешка) и др. Все танцы состояли из 2 частей: в одной свойственные контрдансу общие фигуры – круги, шены, кресты; в другой – импровизированный парный пляс. На контру выходили до 10 и более пар, исполняли танец под гармошку, а чаще под плясовые песни. Кадриль известна в Карелии с кон. XIX в. (в России – с кон. XVIII в.). Она стала любимым танцем сельской молодежи: за вечер танцевать кадриль выходили до 20 и более раз. Без кадрили и сейчас не проходит в Карелии ни один нар. праздник.

В Центр. и Юж. Карелии исполнялась 6-фигурная кадриль, напоминающая салонный рус. танец. На севере танцевали многофигурную кадриль. Салонная кадриль состояла из 5 фигур. Каждая новая начиналась после ритуала – муз. паузы. К. тоже исполняли фигуры с паузами, но если в салонной кадрили каждая фигура была маленьким самост. танцем на 32–40 тактов, то карел. кадриль, несмотря на паузы, воспринимается как единое целое, ибо танец идет по нарастающей. Только 50-ю фигуру, из-за продолжительности исполнения, можно было бы выделить в самостоят. танец. В 1850 в Петербурге появился танец лансье. В Карелии он наз. *ланцы* (Пряжинский р-н), *бланцы* (Кондопожский р-н), *вланце* (Прионежский р-н), *ланчик* (Заонежье). Когда звали на кадриль или ланцы, говорили: «Пойдем походим». Танцы исполнялись на простом вышагивании. Старые женщины вспоминали, что «нужно было идти ровно, плавно». Ныне в этих танцах дробят и пристукивают ногами. Вальс, к-рый в России танцевали с нач. XIX в., в Карелии стал популя-

рен лишь столетие спустя. После революции, когда прежние «беседы» вытеснились танцами в клубах, вальс получил распротр. и в Карелии. Он принес нов. и в манеру поведения на танцевальных вечерах: на вальс приглашали только юноши, что затем было перенесено и на прочие танцы. Из бытовых балльных танцев популярны краковяк, тустеп, на севере Карелии исполняли также ойру, енку, раатикко, на юге – «Светит месяц», «Яблочко», в Центр. Карелии – «Коробочку», «Сербирияночку».

В карел. хореографии есть подлинно нар. танец – *круугу*. Под единым назв. скрываются разные по исполнению танцы. На севере Карелии круугу ведет *патьяшка* (карельский колдун) либо достойная пара. В крууге из Ругозера (Муезерский р-н) одна половина участников движется через центр в затейливом рисунке, др. стоит, затем все происходит наоборот. Крууга из Падан (Муезерский р-н) идет только по кругу, заканчивают ее одни девушки, хотя их на танец выводят юноши. В Толгуя (Заонежье) в крууге только стоят и разговаривают. В др. местах Заонежья крууги имеют 2 части: «круг завивать» и «крууга вертится». В Калевальском р-не круугу также видны 2 части. В Реболах (Муезерский р-н) исполняли *ринки* (круг) как бесконечное кружение в парах. В пос. Кестеньга в танце сильна импровизационность. Есть и общие черты: все крууги начинают юноши. Исполняются они под рус. протяжные песни. Темпоритм песен не совпадает с шагистикой танца, песня как бы существует сама по себе. В Карелии сохранились также крууги с плясом. Парный пляс возникал во время исполнения *пуары* (пары), массовый – в *ринки* (импровизир. круг). Строгая, сдержанная манера исполнения, твердая определенная поступь отличают карел. пляс. Назывался пляс *карг* и исполнялся импровизационно.

Совр. фольклорная хореография Карелии связана с именами выдающихся балетмейстеров В. Кононова, создателя вепсского сценич. танца, и Х. Мальми, работавшей на фин. нар. мат-ле. Ими созданы танцы: «Уточка», «Шестерка в тройках», «Крууга», «Свадебная повозка», «Понюшка табак», «Карусель», «Летка-енька», «Пирилейки», «Так ткнут сукно» и др. Лит.: Ивановский Н. Балльный танец XVI–XIX вв. Л.; М., 1948; Васильева-Рождественская М. Историко-бытовой танец. М., 1963; Мальми В. На-

родные танцы Карелии. Петрозаводск, 1978; Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. Петрозаводск, 1985; Мальми В. Истоки карельской хореографии. Петрозаводск, 1994.

КАРЕЛЬСКАЯ БЕРЕЗА, особая форма бородавчатой березы, характеризующаяся утолщениями на стволе и узорчатой мраморовидной текстурой древесины (темно-коричневые включения на светло-желтом фоне). Встречается разбросанно в лесах Карелии и далее на восток до Урала, а также в странах Скандинавского п-ова. Высоко ценится в производстве мебели, художеств. столярных и токарных изделий, для внутр. отделки зданий.

КАРЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА, Национальная библиотека Республики Карелия, крупнейшее книгохранилище республики. Официальная дата открытия – 15 окт. 1833, когда по предложению олонекского губернатора А.И. Яковлева была учреждена гор. публичная б-ка (всего 3 книж. шкафа), просуществовавшая ок. 20 лет. В янв. 1860 по инициативе ученого-этнографа П.Н. Рыбникова в Петрозаводске вновь открыта публичная б-ка (в 1865 – 887 изданий, 105 читателей). В 1871 в честь посещения Петрозаводска великим князем Алексеем Александровичем она получила наименование Алексеевской. В 1885 фонд б-ки – 4603 экз. изданий, 473 ее читателям было выдано 14 950 экз. книг. В 1918 пожар уничтожил б-ку. Вновь она открылась в 1919 как губ. б-ка-читальня, с 1922 – Карельская обл. б-ка, с 1925 – Карельская публичная б-ка (фонд – 33 855 экз., 4501 читатель). В 1938 кн. фонд – 134 741 экз., 16 946 читателям выдано 299 736 книг.

В годы Великой Отеч. войны б-ке был нанесен значит. ущерб. После освобождения Петрозаводска ее фонд заново сформировали с помощью книгохранилищ Москвы, Ленинграда, др. городов, в 1944 вновь открылась для читателей. К 1950 книж. фонды достигли довоенного уровня. В 1959 б-ка переехала в нов. здание (5,5 тыс. м², проект арх. К.Я. Гутиня). С 1991 – Нац. б-ка Респ. Карелия. Фонд (на 01.01.2003) – 1 635 124 экз. Кроме кн., периодич. и продолжающихся изданий он включает спец. виды технич. лит-ры, ноты, карты, пластинки, печатную графику, рукописи, микрофильмы, CD-ROM, DVD-ROV и др. Лит-ра представлена на 50 иностр. яз. Число читателей – 47 833 чел.